

Акад. Н. М. НИКОЛЬСКИЙ

О ПОСТРОЕНИИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА¹

По плану «Всемирной истории» Академии наук СССР два полутома этого издания посвящаются истории древнего Востока, со включением Индии, Китая и древней Америки. Советская наука, советские историки и советское студенчество вправе ожидать, что в этих двух полутомах будет дано систематическое и подлинно-марксистское изображение истории древнего Востока. В связи с этим совершенно необходимо подвергнуть широкому обсуждению вопрос о подлинно-марксистских основах построения истории древнего Востока. Только таким путем может быть обеспечена возможность правильного составления рабочего плана тома по истории древнего Востока и правильная его реализация.

Первой предпосылкой успешного разрешения указанной задачи является преодоление буржуазных концепций древневосточной истории. Вторая предпосылка заключается в преодолении довольно распространенного, но в корне неправильного мнения, будто Маркс и Энгельс дали только общие социологические установки по отношению к древневосточной истории. На самом деле Маркс и Энгельс изучали историю древнего Востока так же тщательно, как изучали историю античного мира, феодализма и капиталистической эпохи. Поэтому методологические основы для построения истории древнего Востока заключаются не только в общих социологических положениях Маркса и Энгельса, но также и в тех конкретных выводах, к которым Маркс и Энгельс пришли в результате изучения истории отдельных восточных стран. Другими словами, кроме критического преодоления концепций древневосточной истории, выдвинутых буржуазными учеными, необходимо усвоение итогов изучения древневосточной истории в трудах основоположников марксизма.

Когда мы говорим о преодолении буржуазных концепций в области древневосточной истории, мы, конечно, вовсе этим не отрицаем огромных заслуг буржуазной ориенталистики. История открытий древневосточных памятников, дешифрирование восточных систем письма, воссоздание языков и наречий, издание и первичная обработка документов—все это входит в состав огромного актива буржуазной ориенталистики. И совершенно правильно, что как прежде, так и теперь этому активу отводится

¹ Своей статьей Н. М. Никольский пошел навстречу пожеланиям редакции поставить для изучения вопросы истории общины в рабовладельческих государствах древнего Востока. Следующая статья акад. Никольского будет посвящена вавилонской общине.—*Ред.*

почетное место во всяком курсе истории древнего Востока. Говоря о преодолении буржуазных концепций, мы имеем в виду основные точки зрения буржуазных ориенталистов на общественно-политический строй и ход истории народов стран древнего Востока. Эти общие точки проводятся не только в исторических работах, но также оказывают свое отрицательное влияние и в области источниковедения древнего Востока.

В вышедших до сих пор советских работах по истории древнего Востока обычно указывается на необходимость преодоления буржуазных концепций, но по существу последовательной борьбы с последними не ведется. Огонь направляется только против положения о существовании на древнем Востоке восточной формы феодализма. Между тем, центр тяжести буржуазных концепций древневосточной истории лежит вовсе не в этом положении. Основным стержнем буржуазных концепций древневосточной истории являются положения о господстве на древнем Востоке права частной собственности на землю, о господстве там частного хозяйства, о появлении зародышей капитализма в результате развития древневосточных стран на частнохозяйственной основе, наконец, о якобы имевшей место в некоторых странах древнего Востока массовой пролетаризации крестьянского населения, в результате которой община разложилась, а крестьянство раскололось на крепких единоличников, с одной стороны, и массу наемников и рабов-должников—с другой стороны¹. Эта концепция капиталистического развития древневосточного мира не получила никакого отпора в I томе «Истории древнего мира» ГАИМК (акад. Струве). Однако совершенно ясно, что подобная концепция древневосточной истории является органической частью теории извечности капитализма и связанной с нею так называемой циклической теории и поэтому для марксизма совершенно неприемлема. Историки-марксисты должны разоблачать ее, показать ее искусственность, ее противоречие данным первоисточников. Это разоблачение является первой основой построения марксистской истории древнего Востока. Поэтому историография древнего Востока нельзя сводить к краткому заключению раздела об истории науки, как это делается в схеме академического издания, но необходимо посвятить ей самостоятельную обширную главу.

Для построения самой истории древнего Востока руководящими установками должны быть те выводы, к которым пришли Маркс и Энгельс в итоге своего изучения истории древнего Востока как в целом, так и по отношению к отдельным странам. Сначала надо определить пространственное понятие Востока. Географически под Востоком разумеются страны, находящиеся на восток и юго-восток от Западной Европы, частью в Северной Африке, а, главным образом, в южной половине Азии (на юг от Сибири). Эти страны раскинулись на огромном пространстве, на западном краю которого находится Египет, а на восточном—Китай и Япония. История первых классовых обществ в этих странах и является историей древнего Востока. Однако совершенно ясно, что изучение истории этих стран в древности должно быть дифференцировано, так как в силу природных условий они разделяются на два, а может быть, и на три комплекса, историческая судьба которых была неодинакова. Такую дифференциацию проводит уже Маркс. Он различает комплекс стран, которые существовали в одинаковых условиях на пространствах «пустыни, тянувшейся от Сахары

¹ Кроме Эд. Мейера, Мейсснера, Швенцнера и других ассириологов, эту концепцию проводил также Каутский по отношению к израильско-иудейской истории, договорившись даже до существования в Израиле латифундий наподобие римских. Ср. «Ursprung des Christentums», стр. 219—221.

через Аравию, Персию, Индию и Татарию до возвышенностей Азиатского плоскогорья, и в которых сложился «застойный общинный строй», от Китая, в котором первобытная сельская община была только «первоначальной формой»¹. С другой стороны, из первого комплекса Маркс и Энгельс выделяют группу стран Средиземноморского Востока, от Египта до Персии, которые были завоеваны Римской империей и, таким образом, уже в древности прекратили свое самостоятельное политическое существование². Благодаря этому обстоятельству, т. е. конечному соединению со странами античного мира, установилась известная культурная преемственность между странами древнего Средиземноморского Востока и странами средневековой Европы, преемственность, на которую также имеются указания Маркса и Энгельса. Рассмотрение истории древнего Востока должно производиться по этим комплексам, причем к Китаю должна быть присоединена также Япония, а к Индии—центральноазиатские страны и страны современного Индокитая.

Так как основное место в истории древнего Востока будет уделяться именно странам Средиземноморского Востока и так как спорные вопросы касаются, главным образом, этих стран, то в дальнейшем мы будем иметь в виду средиземноморский комплекс древнего Востока.

По отношению к странам Средиземноморского Востока, а также Индии, составители должны руководиться совершенно точными и недвусмысленными положениями Маркса и Энгельса о специфических условиях экономики и производственных отношений на Востоке. По этому вопросу было немало споров, которые нельзя считать исчерпанными еще и в настоящее время. Однако есть пункты, которые должны быть для всякого историка-марксиста совершенно бесспорными. Основной пункт заключается в том, что Маркс отмечал специфику способа производства на древнем Востоке как наиболее древнюю и наименее прогрессивную ступень «экономической формации общества»³. Отсюда одинаково ошибочно видеть в «азиатском способе производства» либо восточную форму феодализма, либо простой вариант античной рабовладельческой формации. Относительно неправильности последнего толкования, т. е. отождествления древневосточных обществ с античным, имеется целый ряд совершенно категорических предупреждений Маркса и Энгельса, основанных на тщательном изучении конкретного исторического материала. Эти предупреждения общеизвестны: противопоставление античной системы рабства и домашнего восточного рабства⁴, противопоставление эксплуатируемого непосредственного производителя-общинника непосредственному производителю-рабу⁵, подчеркивание коренного различия социально-политического развития Востока и античного мира вследствие коренного различия в судьбе общины и рабства на древнем Востоке и в античном мире⁶.

В связи с указанными принципиальными разногласиями советские историки древнего Востока при изложении истории последнего по-разному определяли и то основное общественное звено, за которое надо ухватиться, чтобы вытянуть всю цепь. До сих пор советские историки древнего Вос-

¹ М а р к с—Британское владычество в Индии, Соч. М. и Э., т. IX, стр. 347—349; «Капитал», т. III, изд. 8-е, стр. 233—234.

² См. об этом у Э н г е л ь с а—Происхождение семьи..., Соч. М. и Э., т. XVI, ч. 1, стр. 124—125, также «Бруно Бауер», там же, т. XV, стр. 605—608.

³ «К критике политической экономии», 1935, стр. 39.

⁴ «Диалектика природы», изд. 6-е, стр. 49.

⁵ «Капитал», т. III, изд. 8-е, стр. 569—570.

⁶ «Анти-Дюринг», изд. 8-е, стр. 129, 272 и сл.

тока в огромном большинстве решали и этот вопрос схематически и потому неправильно, подчиняясь при этом влиянию буржуазных концепций и игнорируя совершенно ясные указания Маркса и Энгельса по этому вопросу. Сначала, исходя из предположения о существовании какого-то восточного варианта феодализма, советские историки искали основное звено в зачатках феодальной формы собственности и крепостнических отношений, несомненно существовавших на древнем Востоке, и принимали эту часть за целое. Другие советские историки, исходя из ленинского положения, что первое классовое общество было рабовладельческим обществом, упустили при этом из виду специфику Востока и стали изображать древний Восток по схеме общественно-политической истории античного мира. У одних выпало из поля зрения рабство и оказались преувеличенными элементы феодализации; другие, не уразумев сознательного характера игнорирования общины на древнем Востоке в трудах большинства буржуазных историков, приняли без всякой проверки положение последних о якобы отсутствии известий о существовании общины, вычеркнули общину из истории древнего Востока и постулировали положение о массовом характере восточного рабства. Такое слепое следование за буржуазными «борцами» против общины некоторые советские историки проводили, несмотря на известное предупреждение Маркса, что, «читая истории первобытных общин, написанные буржуазными авторами, нужно быть настороже—они не останавливаются даже перед подлогами»¹. Игнорирование общины продолжалось и тогда, когда даже среди буржуазных ученых оказались такие, которые признают существование общины на древнем Востоке²; скептическое отношение к вопросу о существовании общины на древнем Востоке попрежнему выявляется также и в схеме академического издания.

Между тем, основное звено — «ключ к восточному небу», «ключ к пониманию всего Востока», «корень и политической и религиозной истории», — указано Марксом и Энгельсом с категорической определенностью. Маркс и Энгельс находят этот ключ именно в том, что «на Востоке не дошли до частной собственности на землю, даже феодальной», и что на пространстве от Египта до Индии основной производственной ячейкой с незапамятных времен неизменно была первобытная сельская община, что в этих странах государство было «верховным собственником земли», и потому там «не существовало никакой частной земельной собственности, хотя существовало как частное, так и общинное владение землей»³.

Марксистское построение истории древнего Средиземноморского Востока должно исходить именно из этого положения Маркса и Энгельса, являющегося «ключом к пониманию всего Востока». Совершенно неправильно думать, что это положение якобы относится только к Индии и к средневековому Востоку и не относится к древнему Востоку. Не говоря уже о совершенно ясном смысле статьи Маркса «Британское владычество в Индии», следует напомнить известное высказывание Энгельса в «Анти-

¹ Соч. М. и Э., т. XXVII, стр. 679.

² В их числе надо указать французского ассириолога Кюка, доказавшего существование общинного землевладения в касситскую эпоху, в эпоху Хаммураби и в эпоху царей Аккада, а также немецких историков вавилонского права, Кошакера и Лаутнера; интересно, что эти последние были вынуждены эмигрировать из фашистской Германии.

³ Соч. М. и Э., т. XXI, стр. 490—493, 501; т. IX, стр. 519—521; «Капитал», т. I, стр. 406—407; т. III, стр. 570 и др.

Дюринге», что «восточный деспотизм и сменяющееся господство кочующих завоевателей в течение целых тысячелетий не могли уничтожить древнего общинного быта»¹, и замечание Энгельса, что община уцелела в провинциях Римской империи, несмотря на разрушительное влияние римского завоевания². Это положение Маркса и Энгельса основано на тщательном изучении фактического материала. Азиатскую общину Маркс усиленно изучал в процессе подготовки «Капитала», памятником которой является его работа «Теории прибавочной стоимости»; в III томе этой работы мы встречаем как конкретную характеристику азиатской общины, так и ее оценку (стр. 324, 329, 348 по 4-му изд.). Конкретные черты древнеазиатской общины Маркс привлекает для освещения структуры шотландского клана³.

Общеизвестно, какое огромное внимание Маркс, а также и Энгельс уделяли конкретному изучению «азиатского общинного владения», «азиатской общины» в связи с изучением истории разложения греческой и римской общины и в связи с изучением русской общины⁴. Наконец, Энгельс подчеркивает неизменное существование семитской патриархальной семьи со времен «пятикнижия Моисея», вплоть до конца XIX в., а это мыслимо только при существовании общины⁵.

Маркс совершенно точно поясняет, в каком смысле факты отсутствия частной собственности на землю и господства общинного сельского хозяйства являются моментами, дающими «ключ к пониманию всего Востока». Он говорит: «Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи случайно разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет (liefert den Schlüssel—«дает ключ») тайну не изменности азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и непрерывной сменой их династий»⁶. Несомненно, что именно черту неизменности, застойности восточных обществ имел в виду Маркс, ставя «азиатский» способ производства в отношении прогрессивности на самую нижнюю ступень в своей формуле во введении «К критике политической экономии». В другом месте Маркс отмечает, что первобытная сельская община является «детской формой», непригодной для того, чтобы «развить труд, как общественный труд, и производительность общественного труда», и что возможность прогресса открывается только тогда, когда разрывается «первоначальное единство между рабочим и средствами производства»⁷, т. е. когда в древности появляется рабство, дающее возможность усиления и развития производства⁸. Застойный характер восточных и, в частности, древнево-

¹ «Анти-Дюринг», стр. 115, 129.

² Соч. М. и Э., т. XV, стр. 607.

³ Там же, т. IX, стр. 82.

⁴ Высказывания Маркса в этой области общеизвестны; у Энгельса, кроме известного места в «Анти-Дюринге» (стр. 129), см. также Соч. М. и Э., т. XV, стр. 259—260; т. XVI, ч. 2, стр. 382, 391.

⁵ «Происхождение семьи», Соч. М. и Э., т. XVI, ч. 1, стр. 44; т. XVI, ч. 2, стр. 118.

⁶ «Капитал», т. I, Партиздат, стр. 406; нем. orig. т. I, стр. 376, ср. также замечания Маркса и Энгельса о том, что общинный быт составлял неизменную основу для застойного восточного деспотизма, Соч., т. XXI, стр. 501 (Маркс), т. XV, стр. 260 и «Анти-Дюринг», изд. 6-е, стр. 129 (Энгельс).

⁷ «Теории прибавочной стоимости», ч. 3, изд. 4-е, стр. 308.

⁸ «Анти-Дюринг», изд. 6-е, стр. 129.

сточных обществ правильно уловили еще буржуазные экономисты и мыслители на заре развития и в эпоху расцвета капитализма. Так, еще Бернье, которого весьма ценили Маркс и Энгельс, верно замечает, что тирания, рабство и варварство восточных царств имеют своим первоисточником отсутствие там частной собственности на землю¹. Гегель называет историю древнего Востока «неисторической историей», характеризует государства древнего Востока, как неизменные «в себе или в принципе», не обнаруживающие «никакого прогресса» и изменяющиеся только во взаимоотношениях друг с другом в силу беспрестанных столкновений между ними². Гегель объясняет эту неизменность, конечно, «детскими свойствами восточного духа», но это не помешало ему дать меткое диалектическое определение характера восточной истории, как «неисторической истории». На закате капитализма буржуазные и фашистские «историки» закрыли глаза на эту основную, давно установленную характерную черту восточной и древневосточной истории и взамен выдвинули фальсификаторскую концепцию развития древневосточных обществ на основе господства права частной собственности и по направлению к капитализму.

Лучшим доказательством правильности марксистского понимания древневосточного исторического процесса и фальшивости новой буржуазно-фашистской концепции является хотя бы тот факт, что правовые нормы кодекса Хаммураби остались в Вавилонии неизменными вплоть до конца Халдейского царства. Это вынужден признать даже один из крупнейших защитников «капиталистической» концепции древневосточных обществ Мейсснер. Он отмечает, что в халдейскую эпоху была сделана попытка «модернизации» кодекса Хаммураби, но сводит эту модернизацию только к изложению кодекса на понятном для халдейского общества языке и к некоторому видоизменению брачного права, заключающемуся в том, что остатки обычая покупки жены в проекте нового кодекса свелись к чисто формальным постановлениям³. Ряд других данных также показывает, что определение Гегеля «неисторическая история» основано на фактах.

Однако историки-марксисты совершили бы огромную ошибку, если бы по примеру старых буржуазных ориенталистов успокоились на признании застойности восточных обществ и сосредоточили свое внимание на изложении только внешнеполитической и военной истории древнего Востока. Была и внутренняя общественно-политическая история стран древнего Востока. Именно она и должна составить основное содержание марксистской истории древнего Востока.

Древневосточные общества не сразу и не без борьбы достигают того уровня развития, на котором последнее останавливается, а по достижении этого уровня их бытие не является бытием стоячего болота. Напротив, достигнутый ими уровень не раз возмущается бурями, иногда разрушительными ураганами, поднимающими мощные волны, подобные волнам разбушевавшегося моря. Таким образом, есть и должна быть показана внутренняя общественно-политическая история стран древнего Востока. Она протекала различно в различных странах, и потому показ ее должен даваться раздельно, по странам, с учетом естественных и производственных условий каждой страны. Но рядом с делением по странам должно быть также про-

¹ Б е р н ь е — История последних политических переворотов в государстве Великого Могола, стр. 211.

² Г е г е л ь, Соч., т. VIII («Философия истории»), стр. 100—101.

³ М е i s s n e r — Ein Entwurf zu einem neubabylonischen Gesetzbuch, 1918, SPAW, S. 281, 295—297.

ведено и деление по эпохам, определяемое образованиями на древнем Востоке крупных военно-грабительских держав. Другими словами, изложение истории Египта, Двуречья и малых стран должно чередоваться в зависимости от тех международных соотношений, какие в тот или иной момент складывались на исторической территории древнего Востока.

Каково же должно быть содержание внутренней общественно-политической истории стран древнего Востока? Из всего сказанного очевидно, что основной проблемой этой истории должна быть история сельской общины в каждой стране древнего Востока. Маркс поставил перед историками важнейшую задачу—написать «историю разложения первобытных общин»¹. Эта задача является стержневой задачей для историков древнего Востока, ибо там первобытная община в процессе своего преобразования дала азиатскую сельскую общину, а эта последняя оказалась той ступенью развития, перейти которую восточная община не смогла.

В этом вопросе составителям академической истории древнего Востока прежде всего придется преодолеть указанный выше скептицизм по отношению к общине на древнем Востоке, который установился, с одной стороны, под влиянием буржуазной фальсификаторской историографии, с другой стороны—в силу механистического отождествления древневосточных общественных отношений с античными общественными отношениями. В результате такого отождествления стиралась и стирается вся специфика восточных обществ, категорически подчеркнутая Марксом и Энгельсом и очевидная для всякого непредубежденного историка. Совершенно ясно, что задача такой перестройки—нелегкая. Для ее разрешения придется сойти с линии наименьшего сопротивления, оставить ссылки на якобы отсутствие документальных данных о древневосточной общине и провести предварительно большую исследовательскую работу для систематизации имеющихся и разыскания новых материалов об общине. Эта задача представляет значительные трудности, главным образом, по отношению к общине в Двуречье, тогда как материал для истории египетской и палестинской общины уже и сейчас имеется достаточный². Но и по отношению к общине Двуречья имеются опорные пункты, установленные, как было указано выше, буржуазными учеными и удостоверяющие существование общины, общинного хозяйства и общинного права на всем протяжении истории стран Двуречья³.

История общины в каждой стране древнего Востока должна быть рассмотрена прежде всего со стороны борьбы общинников за сохранение общины. Не следует забывать, что древневосточные общинники, сумевшие отстоять свою юридическую свободу, были основной массой непосредственных производителей и основными строителями и хранителями той системы ирригации, которая обеспечивала и в Египте и в Двуречье жизнь и благосостояние народной массы и той кучки паразитов, которая сидела на шее трудящихся. Модное утверждение, будто бы первые ирригационные сооружения были построены трудами рабов, противоречит народной традиции, противоречит и исторической действительности, которая знает

¹ В первом наброске письма к Вере Засулич, Соч. М. и Э., т. XXVII, стр. 679.

² Об израильско-иудейской общине см. в книге А. Рановича—Очерки истории древнееврейской религии, стр. LII—LXXII (моя вступительная статья и стр. 150—158—общий очерк истории царской эпохи). Следует отметить, что книга А. Рановича является первым опытом действительно марксистского изложения истории одной из стран древнего Востока. Существование общины в Египте признается и акад. Струве, но почему-то только в эпоху Древнего и Среднего царства.

³ Ср. L a u t n e r—Altbabylonische Personenmiete und Erntearbeiter verträge, 1936, S. 20—26, 174.

право общинного пользования водой и обязанность общины поддерживать общинные каналы и водоемы, которая знает о существовании, наряду с общинными каналами и водоемами, царских каналов и водоемов, построенных уже после образования деспотических государств и служивших орудием эксплуатации общинников. Свободные общины Египта и Двуречья уже в III тысячелетии до н. э. подверглись наступлению со стороны жреческой и сановной рабовладельческой верхушки. Уже в III тысячелетии до н. э. эта верхушка выкачивала в свою пользу из общинников прибавочный продукт в виде ренты-налога и прибавочный труд в виде принудительных работ на царя и на храмы. Уже в III тысячелетии был создан в Египте и Двуречье тот аппарат «для грабежа собственного населения», о котором не раз упоминают Маркс и Энгельс как об одном из трех основных ведомств всякого восточного правительства, существующих «с незапамятных времен»¹. Но если с точки зрения древневосточного деспота или сатрапа крестьянин-общинник «существовал для того, чтобы его эксплуатировали»², то сам восточный крестьянин-общинник держался другого мнения. Он подчинялся эксплуатации, поскольку она была в тогдашних производственных условиях неизбежным явлением, но он хотел сохранить и свою юридическую свободу и свою общинную организацию. Поэтому всякие попытки закрепощения, путем ли чрезмерного завычивания налогового и барщинного пресса, путем ли введения и распространения долговой кабалы, и всякие попытки насильственного разрушения общины посредством расхищения общинных земель встречали со стороны общинников решительный отпор вплоть до восстаний и вооруженной борьбы против угнетателей. Такие попытки и сопровождавшая их вооруженная борьба имеют место в Египте и Двуречье уже в III тысячелетии и не раз повторяются и в последующие века. Результат этих попыток и этой борьбы резюмирован в общеизвестном замечании Энгельса: «Восточный деспотизм и сменяющееся господство кочующих завоевателей в течение целых тысячелетий не могли уничтожить древнего общинного быта»³. История этих попыток разрушения общины, история борьбы общинников и ее конечный результат должны быть показаны отдельно для каждой страны древнего Востока.

История попыток наступления на общину и борьба общинников против угнетателей тесно связана с историей эксплуатации общинников при посредстве ренты-налога и принудительных работ. Марксистская история стран древнего Востока должна выяснить не только внешнюю историю этой эксплуатации—эпоху ее окончательного установления, моменты особенно жестокого проведения этой эксплуатации, случаи и периоды борьбы общинников,—но также и материальную и юридическую сторону дела. Общинники были поставщиками основной массы прибавочного продукта в качестве основной массы непосредственных производителей. Отсюда необходимо рассмотрение истории общины как основной производственной ячейки—общинного хозяйства в области производства и его техники, землепользования, пользования ирригацией, домашнего ремесла, распределения продукции и т. д., а также административного аппарата общины. Образец такого рассмотрения дан Марксом по отношению к индийской общине; по отношению к общине древневосточных стран уже приведенный в известность материал содержит ряд интересных данных по всем указанным вопросам. Что касается до общинного тягла, то рассмотрение

¹ Маркс, Соч. М. и Э., т. IX, стр. 347, Энгельс, т. XXI, стр. 494.

² Соч. М. и Э., т. XXVII, стр. 234, письмо Энгельса к Бернштейну.

³ «Анти-Дюринг», изд. 6-е, стр. 115.

его не должно ограничиваться описанием царского и храмового аппаратов для выколачивания ренты-налога и для организации принудительных работ, но должно осветить также и содержание обеих форм тягла со стороны количественной и материальной и проследить историю всех изменений тягла в каждой отдельной стране. Тут, в частности, необходимо будет выяснить отличие дани от ренты-налога, а также условия, в силу которых система принудительных работ получила особое развитие в Двуречье. Только тогда термины вроде «жестокая эксплуатация», «невыносимый гнет» и др. получат необходимое конкретное оправдание и содержание.

Другую категорию эксплуатируемой рабочей силы на древнем Востоке составляли рабы. При рассмотрении вопроса о рабовладельцах и рабах марксистская история древнего Востока также должна исходить из указаний Маркса и Энгельса. К сожалению, до сих пор в общих курсах истории древнего Востока редакторы и составители учитывали только одно общее попутное замечание Энгельса о том, что в азиатской древности рабство было преобладающей формой эксплуатации¹, но игнорировали все прочие замечания Маркса и Энгельса о различных формах и степенях рабовладельческого хозяйства² и о специфике восточного рабства, как рабства по преимуществу домашнего. Факты показывают, что как община была унаследована древним Востоком от патриархального периода докласового общества, так и рабство на Востоке было следующей ступенью развития патриархального рабства. Командующая верхушка древневосточных обществ—царь, его сановники, жрецы—это обычно рабовладельцы патриархального типа. Домашнее восточное рабство, по определению Энгельса, не составляло прямым образом основы производства, но было связано в основном с патриархальной семьей, переходя в нее «незаметным образом», особенно через рабынь гарема. Определение Энгельса блестяще подтверждается всем тем древневосточным документальным материалом, в котором рабы и рабыни называются бесспорными терминами, обозначающими эти категории. Оно подтверждается также и древневосточным литературным материалом, поскольку в последнем имеются упоминания о рабстве. В свете определения Энгельса и материала первоисточников и должно рассматриваться древневосточное рабство.

При изучении древневосточного рабства мы наталкиваемся на то же самое положение, на ту же самую «неисторическую историю», как и по отношению к общине, только в противоположном направлении. Если община на протяжении истории древнего Востока подвергалась неоднократно опасности разрушения, то рабство на том же протяжении не раз проявляло тенденцию к расширению за пределы домашнего хозяйства. Результат этих колебаний в роли рабства был также отрицательный—восточное рабство не переросло в систему рабства античного типа. Этому противодействовало как существование общины, так и отсутствие тех постоянных и огромных резервов рабской силы, какими располагали греческие и римские рабовладельческие государства. Случаи крупного притока рабской силы в Египте и Двуречье были случайными, связанными с военными грабительскими походами; едва такие походы прекращались, как и рабство возвращалось к своему прежнему уровню. Но несомненно, что периоды расширения рабства за пределы домашней формы сопровождалась также расширением частного и храмового хозяйства с применением рабского

¹ Соч. М. и Э., т. XVI, ч. 1, стр. 287.

² «Капитал» т. III, изд. 8-е, стр. 579; «Анти-Дюринг», изд. 6-е, стр. 114—115, 129; «Происхождение семьи...», Соч. М. и Э., т. XVI, ч. 1, стр. 133 и др.

труда и известным ослаблением общинных позиций. Эту сторону дела также необходимо иметь в виду при построении общественной истории древневосточных стран и дать конкретную историю колебаний рабства в древневосточных странах—спорадических случаев его усиления, количественного и качественного, и последующих моментов его снижения до специфической восточной нормы¹.

С рабством на древнем Востоке в собственном смысле слова, «прямым рабством», по выражению Маркса², нередко смешивается так называемое долговое рабство, или долговая кабала. Встречается тенденция изобразить тип восточного раба-должника в виде пролетаризованного общинника, который, попав в неоплатные долги, отрывается от средств производства и от общины, вынужден отдавать свой надел кредитору и работать на кредитора на положении раба. Как уже указывалось выше, эту концепцию в буржуазной историографии пустил в ход Каутский, применив ее по отношению к общественно-политической истории Израиля и Иуды³. К сожалению, эта концепция повторялась, с распространением ее также на Египет и на Двуречье, в «Истории древнего мира», изд. ГАИМК, и сохраняется в основном также и в схеме академического издания. Однако она противоречит как установкам Маркса, так и исторической действительности. Маркс, отмечая разрушительную и революционную роль ростовщика при докапиталистических способах производства, оговаривается, что «при азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»⁴. Изучение источников показывает, что эта оговорка Маркса сделана им на основе тщательного изучения исторических фактов. В Египте долговое рабство вообще было слабо распространено, а в Двуречье и в израильской Палестине долговая кабала ограничивалась коротким сроком, причем должник не был обязан отбывать ее лично, но мог вместо себя «продать в рабство» любого члена своей семьи. Поэтому попытки «открытия» в Двуречье латифундий, обрабатываемых массами рабов-должников, столь же несостоятельны, как и аналогичная попытка Каутского «открыть» подобные латифундии в Израиле и Иуде. Отвергая эту каутскианскую концепцию, историки-марксисты, конечно, должны признать, что долговое право и связанные с ним кабальные отношения являлись одной из форм эксплуатации древневосточного общинника, были для последнего жестоким бичом. Гнет долгового права особенно обострялся в периоды опустошительных нашествий кочующих завоевателей, а также в периоды завоевательных походов местных царей, которые сгоняли общинников в ряды завоевательных армий, лишая семьи общинников основных работников и толкая оставшихся членов семьи в цепкие лапы сановных и жреческих ростовщиков. Однако и по отношению к долговому праву следует отметить, что новейшие исследования вскрывают ту огромную поддержку, которую должна была оказывать и оказывала община своим членам, впадшим в долг. До сих пор подобное обязательство было известно только из израильско-иудейского общинного права; но теперь установлено, что аналогичное обязательство существовало и в вавилонском общинном праве⁵.

¹ Для Египта, например, эпоха Тутмосидов; для Сумера и Аккада эпоха III династии Ура, когда был временно подчинен Элам; затем эпохи великой Ассирийской державы и Халдейского царства.

² «Теории прибавочной стоимости», т. III, стр. 290.

³ «Ursprung des Christentums», стр. 219—220.

⁴ «Капитал», т. III, изд. 8-е, стр. 428.

⁵ L a u t n e r, цит. соч., стр. 174, прим. 516.

Таким образом, выясняется основное руководящее значение древневосточной общины также в истории и древневосточного рабства, прямого и долгового. Общинный быт и рабство, прямое и долговое, диалектически были связаны между собой, и их взаимоотношение в условиях каждого данного момента давало такую равнодействующую силу, при которой община, в конце концов, отстаивает свои позиции, а рабство возвращается в свою нормальную для Востока форму домашнего рабства. Но, конечно, в различных странах древнего Востока этот волнообразный колебательный процесс протекал в различных степенях напряжения и в различных формах. В частности, как будет указано ниже, в Двуречье рабство в силу некоторых специфических условий получило более широкое развитие, чем в Египте.

Как община, так и рабство на древнем Востоке были последующим этапом развития в рамках классового общества соответствующих составных элементов патриархального этапа развития родового общества. Сельская община, или марка, развилась из «патриархальной большой семьи с совместным владением земель и совместной обработкой»¹. Домашнее рабство на древнем Востоке было также, как мы уже говорили, последующей ступенью развития патриархального рабства. Отсюда при построении марксистской истории древнего Востока необходимо обратить внимание на общий характер древневосточного быта и права. И быт и право проникнуты патриархальными чертами, которые сохраняются также неизменно в быте и в праве восточных народов средневековья и нового времени. В древневосточной общине, как и во всякой другой, домохозяйство каждого члена сельской общины и отношения между членами семьи и домочадцами строились на патриархальном начале. Поэтому Маркс называет в одном месте индийские общины «семейными общинами», а одним из основных признаков русской сельской общины считает ее «патриархальность»².

Командующий класс восточных обществ также выступает перед нами как организация патриархального типа. Лишь немногие из представителей этого класса являются землевладельцами³; в огромном своем большинстве они прежде всего рабовладельцы патриархального типа. Уже Энгельс отмечал, что патриархальный характер семитской семьи сохраняется «еще в настоящее время по всему Востоку; многоженство является привилегией богатых и знатных, и жены достаются, главным образом, покупкой рабынь»⁴. Через этих «рабынь гарема» связываются с семьей восточного сановника и жреца его прочие рабы, обслуживающие его домашнее хозяйство, его личный сад и огород, его представительство и даже иной раз его охрану, пасущие его стада. В связи с этим в марксистской истории древнего Востока необходимо будет отметить, что древневосточные кодексы, составлявшиеся, конечно, прежде всего для регулирования правовых отношений внутри командующей верхушки и для охраны ее собственности (общины жили по неписанному обычному праву), являются кодексами именно патриархального права. Они уделяют огромное внимание укреплению отцов-

¹ Э н г е л ь с—Происхождение семьи..., Соч. М. и Э., т. XVI, ч. 1, стр. 43.

² Соч. М. и Э., т. IX, стр. 351 и 200.

³ По данным вавилонских документов размеры участков земли, находившиеся во владении частных лиц на «отцовском праве», обычно колебались в Вавилонии от 5—6 ган до 20—30 ган; участки больших размеров (90 ган, 161 ган) встречались единицами. Сады и поля во владениях частных лиц обычно обрабатывались крестьянами из доли урожая или, чаще, за фиксированное количество урожая.

⁴ Соч. М. и Э., т. XVI, ч. 1, стр. 44.

ского права в области брачных, семейных и имущественных отношений¹. Специальные статьи регулируют взаимоотношения и наследственные права свободных жен и жен-рабынь, сыновей от тех и других и права дочерей. Патриархальная власть отца и мужа особенно ярко выражается в том, что он один имеет право давать развод, признавать или не признавать детей, отказывать от дому взрослым сыновьям, усыновлять и, наконец, продавать жену и детей в рабство. Охраняя и развивая отцовское право, древневосточные кодексы в области охраны права собственности также в первую очередь охраняют те объекты собственности, которые возникли именно внутри патриархальной большой семьи—право собственности на сокровища, скот и домашних рабов. Но при этом в области охраны земельной собственности те же кодексы особенно строго охраняют верховное право царя как суверенного собственника земли, как это видно из целого ряда детализованных статей о праве пользования землями, пожалованными военным людям.

Следующим очень важным вопросом, в котором до сих пор еще сказывается сильное влияние буржуазных концепций, является вопрос об общем характере хозяйства древневосточных стран и о торговом обмене. Тут даже в схеме истории древнего Востока, составленной Академией наук СССР, все еще встречаются такие термины, как мировой рынок, торговоростовщические банки, денежное хозяйство. Все эти термины целиком заимствованы из работ буржуазных ориенталистов и отражают указанную выше тенденцию последних доказать капиталистическое развитие древнего мира. Между тем, точка зрения основоположников марксизма совершенно иная. Как хорошо известно, Маркс считает, что на основе всяких систем зависимости докапиталистических обществ «преобладающим является натуральное хозяйство». Маркс добавляет, что последнее является преобладающим «в еще большей мере на основе более или менее примитивных общин, безразлично, связаны ли последние с отношениями зависимости и рабства или нет»². Эта оговорка Маркса имеет в виду, конечно, и общества древнего Востока. Мало этого, Маркс, признавая, что денежный капитал, затрачиваемый при системе рабства на покупку рабочей силы, играет роль денежной формы основного капитала, оговаривается, что «система рабства, существовавшая в развитых государствах Греции и Рима, сохраняет элемент натурального хозяйства», так как способ пополнения рабочей силы посредством войны и морского разбоя «обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения». Наконец, Маркс подчеркивает, что при этом простые домашние рабы совершенно не принимаются во внимание³.

Подобный натуральный характер хозяйства при докапиталистических способах производства обусловливается тем, что владельцами прибавочного продукта, а следовательно и продавцами его, являются «рабовладелец, феодал, взимающее дань государство»⁴. Эти владельцы прибавочного

¹ Из 14 дошедших до нас статей шумерийских законов посвящены патриархальному праву 7, из кодекса Хаммураби—66, ассирийские законы—почти целиком; из 10 дошедших статей проекта нововавилонского кодекса—7 (ср. текст Gressmann, AOTB, изд. 2-е, т. 1, стр. 422—432), из хеттского кодекса уцелело 17, но было значительно больше.

² «Капитал», т. II, стр. 349—350.

³ Там же.

⁴ «Капитал», т. III, стр. 227—228.

продукта «являются представителями потребляющего богатства», которые «и не думали о превращении прибавочного продукта в капитал..., значительную часть прибавочного продукта они употребляли на непроизводительные затраты, не заботясь о развитии производительных материальных сил, а оставшая часть прибавочного продукта лежала у них без употребления»¹. Такая натурально-хозяйственная основа определила собою и характер торговли при докапиталистических способах производства. Купец, по образному выражению Маркса, «расставляет сети потребляющему богатству». Подобно охотнику, купец вылавливает у владельцев прибавочного продукта ту часть последнего, которая лежит у них без употребления, вылавливает на приманку разного рода—рабов, драгоценностей, редких вещей, благовоний и т. д. Эти приманки, как подчеркивает Маркс, купцы добывают чаще всего посредством насильнического грабежа, морского разбоя, порабощения колоний и так далее². Говоря о «чистых» торговых народах древнего мира, в том числе и о финикиянах, Маркс подчеркивает, что существование подобных народов было «дано как раз преобладанием земледельческих народов», для которых торговые народы древности играли роль посредников³.

Все эти высказывания Маркса, целиком относящиеся и к древнему Востоку, не нашли отражения в схеме истории Востока Академии наук. Между тем, они должны быть руководящими для всякого марксистского историка древнего Востока. Совершенно ясно, что при том характере древневосточного хозяйства и древневосточной торговли, как последний выяснен у Маркса, нельзя говорить ни о мировом рынке, ни о денежном хозяйстве, ни о банках. Документальные данные о характере торговли и ссудных операций на древнем Востоке рисуют картину, вполне соответствующую концепции Маркса. Основными владельцами потребляющего богатства были цари и храмы; это определило своего рода «монополию внешней торговли» в руках царей не только в странах древнего Востока, но даже и в эллинистическом Египте. Все то, что мы знаем из Геродота и других древних источников о характере финикийской торговли, целиком подтверждает характеристику Маркса, а последние открытия в Рас-Шамре подчеркивают то огромное значение для возможности существования финикийских торговых городов, какое имел земледельческий «хинтерланд» последних. На такой основе не везде на древнем Востоке мог сложиться скольконибудь значительный профессиональный класс купцов. Появление и усиление купеческого класса было облегчено в Южном Двуречье, где уже в конце III тысячелетия до н. э. установился внутренний торговый обмен на основе известного разделения труда между Севером и Югом, а впоследствии также между Ассирией и Вавилонией. Напротив, в Египте, где подобного разделения труда не было, местный класс купцов был очень слабым, в Палестине для обозначения купцов применялись названия «сидоняне» или «ханаанеи», т. е. финикияне. Что касается до торгово-ростовщического капитала, то представителями последнего в Двуречье были по преимуществу царские и храмовые торговые агенты и храмы, а в Египте вообще вряд ли можно говорить о местном торгово-ростовщическом капитале. Специально ростовщический капитал, получивший наибольшее развитие в Вавилонии и Ассирии, судя по документальным данным, даже в персидскую эпоху сохранял

¹ «Капитал», т. III, стр. 231, 232; «Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 2, изд. 4-е, стр. 204.

² «Капитал», т. III, стр. 231—232.

³ «К критике политической экономии», 1935, стр. 30; «Капитал», т. III, стр. 321.

черты простого грабительства¹ и ни в какой мере не выполнял банковских функций общественного кредита. В заключение следует отметить весьма характерный факт, совершенно несовместимый с понятием денежного хозяйства, именно, что ни в одной из древневосточных стран до персидского владычества не было монетной системы, да и в самой Персии чеканка дариков была введена, как полагают, главным образом, для оплаты греческих наемников.

В связи с указанной неравномерностью развития торговли и торгового капитала в различных странах древнего Востока необходимо отметить значение этого момента для развития рабства. Тут сохраняет свою силу известное замечание Маркса, что торговый капитал оказывает ускоряющее влияние на развитие рабского хозяйства. И мы видим, что в Вавилонии, где торговый и ростовщический капитал получил более широкое и прочное развитие, чем в других странах древнего Востока, рабство также получило известное качественное развитие, выходящее за пределы домашнего рабства. Это развитие выразилось не только в существовании в Вавилонии торговых приказчиков и агентов из рабов, но также и в особенности в случаях перевода на самостоятельное производство рабов, обученных ремеслу, и перевода сельских рабов на работу за определенную долю доходов (так наз. мандатту); это практиковалось в халдейскую и персидскую эпоху. При этом следует отметить, что в сельском хозяйстве такие рабы заключали договор с господином не как оброчные люди, а как хозяева-арендаторы предоставлявшихся им доходных угодий. Эти категории рабов могли переходить сами в ряды представителей торгового капитала, в особенности при выходе на волю. К сожалению, у нас нет документальных данных, которые характеризовали бы влияние торгового капитала на развитие рабства в Финикии. Опубликованные недавно три документа из Рас-Шамры говорят только об обычном домашнем рабстве².

Таковы были в основных чертах производственные основы древневосточных обществ. Эти основы определяют собою политическую и культурную надстройку последних. Политическая надстройка на древнем Востоке сложилась в форме восточного деспотизма.

Древневосточная деспотия, при всех ее общих чертах, в каждой отдельной стране выработалась в форме определенного местного варианта. В зависимости от реальных условий существования, специфических для каждой данной страны, в функционировании местной деспотии выдвигались на первый план те или иные из трех выше названных ведомств; при этом гипертрофированное расширение военного ведомства могло иметь и имело в некоторых странах только временный характер. Надо сказать прямо, что ни в буржуазной, ни в советской историографии еще не было попытки систематически рассмотреть историю этих трех ведомств восточных деспотических правительств в ее диалектической связи с историей общины, рабства и грабительских походов. Между тем, такое рассмотрение воочию показало бы, что древневосточные мировые державы, которые буржуазные ориенталисты любят сближать с современными империалистическими державами, на самом деле были только расширенными организациями ведомства по ограблению чужих народов, и что это ограбление было не формой колониальной эксплуатации, а простейшим традиционным спосо-

¹ Cp. K o h l e r—U n g n a d—Hundert ausgewählte Rechtsurkunden aus Spätzeit, № 65—66.

² «Syria», 1937 г. № 3, статья T ю р о-Д а н ж е н а—Trois contrats de Ras-Shamra.

бом приобретения того же самого потребляющего богатства, какое добывалось его владельцами также посредством грабежа своего собственного народа и посредством торгового обмена. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить приводимое Марксом описание военного быта в государстве Великого Могола¹ с описанием походов египетских фараонов и ассирийских царей в их надписях или прочитать, не мудрствуя лукаво, любой список военной добычи или дани, захваченной любым фараоном Нового царства или ассирийским царем, и посмотреть, кому эти награбленные богатства доставались. Окажется, что эти богатства заключались в тех же стадах скота, партиях рабов, грудях золота, серебра, меди и железа, партиях благовоний, драгоценного дерева, слоновой кости и других предметов, которые цари, их сановники и жрецы в мирное время выменивали через посредство купцов на излишки прибавочного продукта из своих кладовых, и что военная добыча шла прежде всего в кладовые царя и храмов². В связи с определенной местной формой деспотии и ее функционирования наблюдаются также и известные различия в идеологическом оправдании деспотии, в особенности оправдании верховного права собственности царя на землю и его ничем не ограниченной власти над жизнью и смертью подданных. Тут в первую очередь стоит вопрос о теории божественности царей, которая в разных странах и в разное время получала различное освещение и оформление. В этом отношении марксистская история древнего Востока должна проделать свою собственную самостоятельную работу, так как в буржуазной историографии процесс развития идеологии божественности царской власти обычно отрывается от социально-политической и внешнеполитической истории.

Если по отношению к политической надстройке историк-марксист может все-таки до некоторой степени опереться на факты, собранные буржуазной историографией, то по отношению к истории культуры древневосточных стран марксистским историкам придется разрешать ряд новых самостоятельных задач. Формально-идеалистический подход буржуазных историков к изучению древневосточной культуры породил два варианта изображения последней: или в виде простого формально-стилистического описания культурных памятников, или в виде попыток построения концепций единой древневосточной культуры, так называемого панвавилонизма и панегиптизма. Последние концепции являются чисто-механистическими построениями, фальсифицирующими факты, и должны быть соответствующим образом разобраны и опровергнуты в курсе истории древнего Востока. Для историка-марксиста в области изучения древневосточных культур руководящими должны быть замечания Энгельса о том разобщении, какое существовало между древними восточными народами и поддерживалось в особенности системой религиозных запретов,—разобщении, которое, по словам Энгельса, было одной из основных причин гибели древнего Востока³. Конечно, это разобщение не было абсолютным, в известной степени обмен культурными приобретениями имел место, например, в си-

¹ Соч. М. и Э., т. XXI, стр. 489.

² Ср. одно из самых красочных мест в этом смысле в надписи Гудеи: «В *kiřmař* было (ссыпано) зерно гутгаль и сигаль. В *qirapa* были быки для пищи, бараны для пищи... В доме для пряностей было, как Тигр в полную воду. В сокровищнице были драгоценные камни, драгоценные металлы, свинец. Дом для колесниц был, как гора, стоящая на поверхности земли». Надпись передает, что эти сокровища составились из военной добычи, из товаров, добытых домкарами, и из подати подданных.

³ Соч. М. и Э., т. XV, стр. 608—609.

стеме письма, в технике искусства и ремесла, в фактах литературных заимствований. Но ни о какой единой древневосточной культуре говорить безусловно нельзя.

Что же касается вопроса о самом содержании культуры отдельных восточных стран, то историк-марксист должен подходить к культурным явлениям прежде всего как к явлениям определенного социального происхождения. На древнем Востоке, как указывал еще Маркс, инициаторами создания и обладателями важнейших культурных ценностей, в особенности памятников архитектуры и изобразительного искусства и художественных предметов домашнего обихода, были представители командующей верхушки рабовладельцев, которые затрачивали на сооружение, изготовление этих культурных ценностей значительную часть прибавочного продукта и огромное количество даровой крестьянской и рабской рабочей силы, находившейся в их распоряжении¹. С этой точки зрения можно было бы охарактеризовать древневосточную культуру как культуру господствующего класса. Однако такое определение было бы односторонним и неправильным, ибо тогда были бы упущены из виду фактические создатели целого ряда культурных ценностей. Крестьяне-общинники и ремесленники вносили в создание культурных ценностей не только свой физический труд, но и свое мастерство и свою технику. Это мастерство и эта техника восходят к тому мастерству и к той технике, замечательные образцы которых мы имеем еще из эпохи доклассовых первобытно-коммунистических общин. Художники, расписывавшие стены дворцов и храмов, применяли краски и приемы своих далеких предков, еще, может быть, каменной эпохи. То же самое надо сказать о скульпторах, высекавших статуи, о литейщиках и кузнецах и оружейниках, изготовлявших украшения и изящные предметы домашнего обихода и оружие, о ювелирах и парфюмерах, о мастерах-музыкантах, о мастерах, изготовлявших крепкие напитки и т. д. Отсюда проистекает и национальный характер культуры отдельных древневосточных стран, ибо в каждой стране мастера ремесла и искусства тамошнего народа выработали и технические приемы, и художественную форму, и содержание культурных ценностей в соответствии с природными и производственными условиями данной страны.

То же самое надо сказать и о памятниках литературы. До нас дошла почти исключительно только литература, создававшаяся для сановно-жреческой верхушки древневосточных обществ. Но исследование содержания этой литературы с особенной ясностью подтверждает аксиому Максима Горького: «начало искусства слова—в фольклоре». Вопреки фашистской «теории» происхождения фольклора путем «импорта сверху», на самом деле имело место другое явление: литература господствующих классов на первых шагах своего развития питалась «импортом снизу». С этой точки зрения необходимо произвести также и исследование памятников древневосточных литератур. Эти памятники создавались по заказу и по вкусам господствующих классов, но те «камни», из которых они были сложены, в весьма значительной части являются обработанными, иногда лишь слегка, произведениями народного творчества. Таким образом, восточный общинник во многих случаях выступает перед нами не только как создатель материальных и художественных ценностей, но и как своего рода соавтор произве-

¹ «Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 2, стр. 204; «Капитал», т. I, стр. 379—380.

дений древневосточных литератур. При таком рассмотрении древневосточных литератур является также возможность выделить из литературных памятников все фольклорные сюжеты и прямые заимствования из фольклора и таким путем до известной степени реконструировать фольклор древневосточных народов. Тут необходимо заметить, что особенно много заимствований из фольклора имеется в религиозной литературе—в официальных магических формулах, мифологических текстах и отчасти даже в молитвенных формулах. Раздел фольклора должен быть неотъемлемой частью курса древнего Востока.

Чрезвычайно важной областью древневосточной культуры является религия. Изучению последней буржуазная ориенталистика уделяла особенно много внимания и труда и достигла в этой области, в особенности в сфере сравнительного изучения, некоторых весьма значительных успехов. Однако все же нельзя сказать, чтобы в результате работы буржуазных ориенталистов наука получила хотя бы основы действительной, подлинной истории древневосточных религий, так как изучение религиозных явлений производилось под углом зрения различных идеалистических концепций религии и религиозной истории. В особенности это надо отметить по отношению к буржуазному «критическому» изучению израильско-иудейской религии, в котором до сих пор еще сохраняют руководящее значение такие антинаучные полубогословские установки, как положение об изначальном еврейском монотеизме, об универсально-этическом монотеизме пророков и др. Эти положения, к сожалению, настойчиво повторялись и у нас в выходивших за последние годы книгах по общей истории древнего Востока; в академической схеме истории древнего Востока эти положения, правда, не повторяются, но зато там вообще отсутствует даже самая рубрика израильско-иудейской религии. Сейчас советская историческая наука имеет опыт марксистского изложения истории древнееврейской религии в упомянутой уже книге тов. А. Рановича, которая дает базу для правильного изложения указанной проблемы в будущем академическом издании. В последнем изложении как общей, так и религиозной истории Израиля и Иуды должно базироваться на критическом очерке истории библейской критики,—область, которою вышедшие в последние годы советские книги по общей истории Востока совершенно пренебрегли. Между тем, проблемы библейской критики являются одной из самых важных областей науки о Востоке вообще для всякого историка Востока, не только для специалиста по библеистике¹.

По отношению к истории религии других древневосточных народов составители марксистской истории древнего Востока должны воспользоваться огромным материалом источников религиозной истории, пущенным в оборот буржуазными ориенталистами, но должны обработать этот материал, опираясь на общеизвестные марксистско-ленинские установки о сущности религии и истории религии. Для историка особенно важно положение Маркса и Энгельса, согласно которому религия как один из видов идеологии не имеет своей собственной самостоятельной истории, но создается людьми, которые, развивая «свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с данной действительностью также свое мышление и продукты своего мышления»... «Человек создает религию, религия не создает человека.... Человек—это мир человека, государство, общество. Это государство, это общество соз-

¹ См. об этом мою статью в № 1 (2) «Вестника древней истории».

дают религию, превратное мирознание, ибо сами они превратны и мир¹. В восточных религиях, как и в других древних религиях, основу составляло «доисторическое содержание» религии, унаследованное от доклассового общества². На эту основу наслоились новообразования исторического периода, созданные людьми в разных странах и в разное время в связи с условиями и требованиями социально-политической обстановки³. Восточные религии приобрели в процессе этих изменений основную черту, характеризующую религию всякого классового общества: они стали и в древневосточных странах орудием классового угнетения и властвования, «опиумом для народа», усыпляющим волю последнего к классовой борьбе. С этой стороны древневосточные религии, за исключением древнеизраильской религии, не подвергались изучению советской исторической науки, хотя указанный характер чрезвычайно выпукло выступает и в древневосточных мифологиях, и в древневосточных культах. Из всего сказанного следует, что в плане марксистской истории древнего Востока религия каждого народа должна рассматриваться в движении, и потому материал по религиозной истории не должен сосредотачиваться в одном разделе, но должен распределяться по разным главам, сообразно с общим планом периодизации истории данного народа.

Переходя к вопросу о периодизации истории древнего Востока, надо сказать, что периодизация истории каждой древневосточной страны должна проводиться с учетом истории общины в каждой стране. В настоящее время в связи с тем, что работа по изучению истории общины на древнем Востоке еще только начата, нельзя еще определить точные вехи периодизации истории всех стран древнего Востока. Яснее всего этот вопрос стоит по отношению к израильско-иудейской истории; тут в основном периодизация намечена в книге тов. Рановича. Далее, имеются более или менее твердые точки опоры для периодизации египетской истории, которую в рамках династической эпохи в основном следует делить на два крупных периода. Первый период должен обнимать собою Древнее и Среднее царство, когда велось наступление на общинный строй, и второй период, начинающийся с эпохи великой крестьянской войны. Что касается до периода самой крестьянской войны, то он должен быть выделен в особый раздел в качестве переходного звена между этими периодами. Конечно, эта схема периодизации египетской истории сугубо ориентировочна и нуждается в обсуждении и уточнении. Что касается до периодизации истории стран Двуречья, то сейчас еще очень трудно наметить даже самые главные вехи последней. Дело затрудняется не только тем обстоятельством, что история общины в Двуречье игнорировалась и буржуазными и советскими ориенталистами, но также и тем фактом, что именно в истории Двуречья огромную роль играл фактор «сменяющегося господства кочующих завоевателей». Каждое нашествие, каждая смена властителей должны были играть и играли огромную роль для судьбы общины; именно в такие периоды происходили катастрофы, «способные обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всякой цивилизации», «довести до необходимости начинать все сначала»⁴.

¹ «Немецкая идеология», стр. 17, 592; ст. «Людвиг Фейербах», изд. 2-е, стр. 77—78.

² Э н г е л ь с, — Письмо к Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г., см. «Маркс и Энгельс о религии и о борьбе с нею», т. II, стр. 519.

³ «Людвиг Фейербах», изд. 2-е, стр. 77—78.

⁴ Соч. М. и Э., т. IX, стр. 520; «Немецкая идеология», стр. 44—45; «Капитал», т. I, стр. 406.

Во всех случаях подобных нашествий и смен властителей происходило также уничтожение старых общин и насаждение новых общин из рядов завоевателей. Вследствие этого история общины в Двуречье была подвержена особенно частым и резким колебаниям и поэтому при составлении схемы периодизации истории стран Двуречья необходимо принимать во внимание не только действие внутренних социально-политических факторов, но и указанного внешнеполитического фактора. Необходимо подробно рассмотреть вопрос о периодизации истории стран Двуречья в особой статье.

Изложению исторических периодов каждой страны древнего Востока должны предшествовать введения, излагающие историю доклассового общества на территории данной страны. Эти введения должны углубляться в доисторическое прошлое настолько, насколько позволит для каждой страны археологический, а также фольклорно-этнографический материал, как древний, так и современный. Последний в некоторых случаях (например для Сирии, Аравии, Палестины) содержит большие фонды пережиточного характера. В этих введениях должны быть также освещены и по возможности разрешены весьма трудные этнические проблемы.

Само собой разумеется, что марксистское изложение хода истории древневосточных стран, исходя из указанных методологических установок, не должно превращаться в социологизированный очерк, хотя бы крупных размеров, но должно быть конкретным, насыщенным фактами, динамикой классовой борьбы, динамикой внешнеполитических отношений и конфликтов, должно дать также яркие характеристики исторических деятелей древнего Востока. Методологические установки должны руководить составителями в их работе над конкретным материалом, но они не являются самоцелью, они — только то драгоценное орудие, которое основоположники марксизма дали нам, историкам-марксистам, и с помощью которого мы можем и должны реконструировать и воскрешать историю древних и древневосточных стран во всей ее красочной, пестрой и своеобразной конкретности и полноте.

Таковы мои общие соображения об основах построения марксистской истории древнего Востока. Желательно и необходимо, чтобы эти соображения были подвергнуты самому широкому обсуждению историков-марксистов.

